

A surreal landscape with a large glowing orb and a silhouette of a person. The scene is set in a dark, hazy environment with a large, glowing, textured orb in the center. A silhouette of a person stands in front of the orb, looking up. The background is a dark, cloudy sky with a bright, glowing trail of light or smoke. The overall mood is mysterious and ethereal.

Время зверя

Ольга Яковлева

Ольга Яковлева

Время зверя

«Автор»

2020

Яковлева О.

Время зверя / О. Яковлева — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-99276-4

В переломные моменты истории на сцену действия выходит хаос и стремится захватить весь мир. Можно ли противостоять зверю хаоса, ненавистнику всего созидającego, силе, которая питается низменными человеческими страстями и пороками и стремится низвергнуть мир в пучину безумия и насилия? Есть ли в этом мире сила, способная противостоять хаосу?..

ISBN 978-5-532-99276-4

© Яковлева О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Приход зверя	6
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Ольга Яковлева

Время зверя

Пролог

Когда горел город, когда изрыгаемое вулканом пламя уносило в небытие жизнь целой эпохи, родился второй зверь хаоса. Он должен быть стать на службу той силе, что всегда противостоит прогрессу разума, той, которая питается низменными человеческими страстями и пороками и стремится низвергнуть мир в пучину безумия и насилия, враг порядка, ненавистник всего созидającego. Зверь должен быть нести страх и смерть, ужас и разрушение, мор и болезни, но он воспротивился своей судьбе.

Выдержав пытки голода, муки помутившегося разума, терзавшие его в течение многих веков, он сохранил в себе человечность и ушёл в никуда, чтобы в решающий час вернуться и объявить войну своему хозяину.

Пламя того пожара давно кануло в лету, а потом наступила новая эпоха. Наша эпоха заступила на пост. И сейчас, где-то там далеко, на юге, первородный зверь хаоса медленно и тяжело ступает по песку красной пустыни своими когтистыми лапами, свирепо и равнодушно оглядываясь по сторонам. Отсюда, из-под его лап, по всей земле расходятся мор и болезни, отсюда из-под его когтей расползаются демоны, несущие погибель всему живому. Время и ход истории не имеют здесь никакого значения, только вечность проходит в палящей пустоте небес, не начинаясь ниоткуда и не оканчиваясь ничем.

Часть 1. Приход зверя

Сэм отрешённо сидела на краю пустыни и разглядывала кроваво-красный пейзаж. Приближалось время заката, и заходящее солнце уже напитало небеса алым цветом, пронизало всю толщу, до самой земли, остывающими лучами. Неподвижный воздух нависал своей тяжестью над пустыней, и никого не было вокруг на километры вокруг, только кривые, обречённые погибать без воды деревца да засохшие комья травы напоминали о том, что где-то ещё есть жизнь. Сэм не двигалась с места, и только губы её шевелились беззвучно, ведя безмолвные разговоры в полной тишине. Потом она взяла в руки кисть и, зачерпнув алой краски, нанесла на холст несколько размашистых мазков.

– Как передать всю глубину заката, если алое на небе и красное на земле перемешались, став одним целым, одним растянувшимся до бесконечности в пространстве холстом? – думала она. – Красная, как кровь, пульсирующая, как жизнь, эта пустыня дышит, смотрит, говорит со мной.

Она приезжала сюда каждое утро и, разложив холст и краски, отрешённо наблюдала за тем, как огненный диск солнца перемещается по пронзительно синему небу, как великолепные краски дня сменяются закатом, а потом во всей пустыне наступает ночь и приходит всеобъемлющая пустота. Каждый день она испытывала себя на прочность, оставаясь здесь после заката, дожидаясь, пока ночь не стугнется вокруг неё до черноты. Когда приходила тьма, вокруг неё разносились шорохи, неясные перешёптывания слышались вокруг – пустыня говорила с ней. И тогда она, преодолевая накатывавшее оцепенение, поднималась с места, садилась за руль, заводила машину и уезжала в город, подсвечивая фарами темноту ночи.

– А что, если машина однажды не заведётся? – вздрагивала она, когда багровый шар солнца скрывался за горизонтом, и последний закатный луч потухал в небе. – Что, если мотор сломается или кончится бензин?

– Тогда тебе придётся ночевать в пустыне, – отвечала она сама себе, или это безмолвный собеседник нашёптывал свои речи прямо ей в ухо?

Сколько дней и недель она провела здесь? Она сбилась со счёта. Увидев однажды в окне проходящего поезда этот пейзаж, она почувствовала, как в её голове что-то щёлкнуло. – Это закатное солнце в пустыне, перенесённое на холст, станет моей лучшей картиной, – так подумала она и вышла на ближайшей станции. Сняла небольшую уютную комнату в одном из ничем не примечательных домов маленького безымянного города, взяла машину в аренду и стала приезжать сюда каждое утро.

Пустыня зачаровывала. Внешне она казалась совершенно безжизненной и безлюдной, но внутри неё, под землёй и в тяжёлом воздухе, постоянно шевелилась жизнь, постоянно невидимые собеседники словно пытались достучаться до неё в густой тишине. Но Сэм закрывалась от любых попыток вторгнуться в её сознание, брала в руки кисть и писала закатное небо.

– Уходите, кто бы вы ни были, – шептала она в пустоту, и совсем не испытывала страха. – Мне нет до вас дела, мне нужен сейчас только этот пейзаж. И ещё мне так нужен он, мой Макс, вот только я не знаю, где теперь искать его.

Страх приходил вместе с темнотой, и тогда она вставляла ключи зажигания и стремительно трогалась с места.

Пока однажды тьма не застала её врасплох. Закат в тот вечер был так великолепен, так ярко горел алым и багровым в высоком безоблачном небе, что немой восторг надолго приковал её к месту. Не в силах пошевелиться, она молча созерцала торжество красоты, невольным свидетелем которого она стала. А потом солнце закатилось за горизонт, и взошла полная луна, озаряя ярким светом всё вокруг. Сэм огляделась – по-прежнему было светло, и все предметы отбрасывали чёткие тени. Все краски дня поблекли в этом холодном свете, и посеребрённый

светом луны песок с еле слышным шорохом струился по пустыне. На смену восторгу пришло спокойное умиротворение, казалось, вот-вот она поймёт самую суть вещей, проникнет в самую суть красоты. Там, в пустыне, освещаемой светом полной луны, время застыло, в то время как за пределами этого мира люди продолжали жить обычной жизнью, суета и порядок наполняли их существование, здесь же больше не было ничего, кроме безмолвия вечности. Сэм глубоко вздохнула, впитывая всей сутью ускользающее понимание, а потом глаза её закрылись, и она незаметно уснула.

Ей снилась красная пустыня, пустота, в которой не было никого и ничего, никогда не было жизни, абсолютное ничто без начала и конца, без чувств, без души, без сожаления или тоски. Само время обрело здесь забвение, а жизнь не имела смысла. В пустыне не было ни добра, ни зла, ни рождения, ни смерти, и только великое ничто равнодушно наблюдало за происходящим в мире, вмешиваясь в судьбоносный ход истории, совершая беспристрастный суд или веками в бездействии равнодушно созерцая картину мира. Всё, что попадало в объятия пустыни, становилось ничем, лишаясь самого смысла существования, ничто пожирало энергию, как огромная чёрная дыра, в которой всё заканчивалось и ничего не начиналось. Эта чёрная дыра сейчас раскрыла перед ней свои объятия, она была безжизненна, дышала смертью и пустотой, манила, притягивала к себе тяжестью своей тёмной энергии. Сэм подошла к самому краю чёрной дыры и ощутила на своём лице жаркое дыхание небытия. Оно манило её снизу, приглашая войти внутрь пустоты, в которой больше нет ни страстей, ни стремлений, только бесконечный и такой желанный покой.

– Макс, – прошептала она, и ей показалось, что его голос позвал её в ответ оттуда, из чрева земли.

– Сэм, – прошелестела пустота, и невидимые щупальца протянулись за ней из глубины небытия, из раскрывшейся в приглашении войти внутрь чёрной пропасти.

Она отшатнулась в испуге и проснулась. Вокруг неё сгустилась непроглядная тьма, холод окутывал всё вокруг. Луна зашла за тяжёлые тучи, нависшие над пустыней, ничего не было видно на расстоянии вытянутой руки, и только алые зарницы, предвестницы надвигающейся грозы, полыхали на горизонте. Сэм содрогнулась, чувствуя, как тяжёлый, липкий страх заползает ей прямо в душу. На лбу выступили капли пота, она огляделась, пытаясь найти машину, но ничего не было видно вокруг, тьма ослепила её и не отпускала с места. Странное оцепенение овладело Сэм, она судорожно вздохнула, пытаясь побороть страх, но он неотвратимо заползал внутрь, забирая себе её волю.

Нахлынули воспоминания. Он был очень красив и так притягателен в своей страсти к музыке. Она случайно, вместе с друзьями, попала на его концерт пару лет назад. Его музыка ещё долго звучала в её голове, и слушая вновь и вновь его первый альбом, она поняла, что его творчество невероятным образом резонирует в её душе, заполняя мысли, разум, подчиняя себе, заставляя дышать и чувствовать в унисон. Тогда она стала ходить на каждый его концерт, а между ними думала только о следующей встрече. Она подходила совсем близко к сцене и оттуда заворожённо смотрела на своего героя. Она влюбилась и переживала своё чувство в одиночестве, не осмеливаясь завязать знакомство, страшась разочарования или, что было бы ещё хуже, осмеяния. А время шло, утекало сквозь пальцы, и её герой становился всё прекраснее, всё притягательнее, а на его концерты приходило всё больше людей. Она ревновала к каждой фанатке, которая, стоя рядом с ней, иступленно вздыхала и подпевала всем песням, выкрикивая слова поклонения и любви. Она мечтала, чтобы он пел только для неё и принадлежал только ей. А во время последнего выступления он был так невероятно красив и притягателен, так иступленно дарил публике самого себя, что она была потрясена до глубины души и наконец решилась подойти к нему, рассказать о своих чувствах, поделиться наконец ими с ним, её героем.

– Вот сейчас, – думала она, – сейчас я должна осмелиться, чтобы поймать и не отпустить в небытие этот миг. Вот же он смотрит прямо на меня, и я должна наконец открыться ему...

Но растянувшийся во времени миг очарования закончился, и он подошёл к другой после концерта, уводя её с собой прочь в темноту. А потом он исчез, и больше ничего о нём не было слышно. Дверь его квартиры была открыта, и все вещи были на месте, не хватало только его, её героя, её бога.

Сэм тяжело вздохнула, ещё раз переживая события годовой давности, страшная пустота, заполнившая тогда её сердце, её душу, чуть не свела её с ума. Она долго сидела дома в одиночестве, никуда не выходя, ни с кем не встречаясь, оставаясь на обочине жизни, испытывая слабую, еле теплившуюся и постепенно затухающую надежду, что он найдётся, и она снова обретёт смысл жизни. Но он не вернулся, и она собрала оставшиеся силы, ушла из кафе, в котором когда-то работала, и уехала из города, как ей тогда казалось, навсегда, не оглядываясь и ни сожалея ни о чём. Пустота тогда выжгла все чувства в её душе, так что она апатично повиновалась своим инстинктам, не испытывая желания жить дальше, чувствовать, любить. Страдания заполнили её целиком и иссушили, казалось, без остатка, и не было в ней больше ни воли к жизни, ни стремления к новой любви.

Воспоминания оглушили её своей тяжестью, она зарыдала, не в силах больше сдерживать овладевшее ею отчаяние. Всхлипы оглушительно сотрясали тишину, а она никак не могла остановиться.

– Где же ты, Макс? – спрашивала она у пустоты. – Ты не мог просто так исчезнуть из этого мира, я не верю, что ты ушёл навсегда.

Обессилев от рыданий, она перевернулась на спину и долго, безучастно смотрела в тёмное ночное небо. Тьма забрала у неё все силы и эмоции, и страх, и отчаяние, оставив взамен бесконечную усталость и апатию.

– Если я умру здесь, в этой пустыне, никто не найдёт меня, – подумала она.

Она не знала, сколько так пролежала в пустоте ночи. Красный песок постепенно засыпал её тело, но она не в силах была пошевелиться. Холод усиливался, заползал внутрь, она дрожала от озноба, но не могла встать.

– Кажется, я умираю, – думала она, и эта мысль наполняла её душу странным спокойствием. – Что ж, я закончила свою картину, но так и не смогла обрести тебя, и похоже, мне больше нечего делать в этой жизни.

Она снова закрыла глаза и тихо и глубоко дышала. Пустота пробралась внутрь неё вместе с холодом, так что не осталось ни воли, ни желаний, ничего, кроме великого ничто. Почти потеряв сознание, уже не чувствуя своего тела, она вдруг почувствовала чужое присутствие. Что-то мокрое и мягкое ткнулось в неё, она услышала запах чужого тяжёлого дыхания, а потом ощутила рядом со своим тяжесть звериного тела, покрытого густой мягкой шерстью.

– Словной большой кот, – будучи уже на краю сознания, успела подумать она, – пришёл из бесконечности Вселенной, чтобы согреть меня своим теплом, – а потом она, собрав последние силы, повернулась и уткнулась лицом в густую шерсть, крепко прижалась к неизвестному существу, постепенно приходя в себя, согреваясь чужим теплом. – Кто бы ты ни был, ты спас меня от смерти, – думала она, тяжёлый сон окутывал её туманом, и горячее звериное дыхание согрело и усыпило её.

Наутро Сэм проснулась. Страшно хотелось пить, лицо обжигало палящее солнце, уже поднявшееся высоко в небе. Она с трудом открыла глаза и зажмурилась от ослепляющего солнечного света, а потом огляделась. Зверь по-прежнему лежал рядом, слегка отодвинувшись, а поодаль, рядом с машиной, засыпанной песком, сидела девушка в белых одеждах и сосредоточенно пересыпала горячий красный песок сквозь тонкие белые пальцы.

Сэм удивлённо привстала и смотрела на девушку, не в силах произнести ни слова, так сильно пересохло её горло. Немой вопрос, что она делает здесь, посреди пустыни, застрял комком в горле.

– Это я должна спросить, что ты здесь делаешь? – улыбнувшись и подняв глаза, спросила у неё незнакомка, словно прочтя мысленно заданный ей вопрос. Глаза её светились странным неземным блеском, и сама она словно была соткана из воздуха и света, так невесома и тонка была её фигура, и только длинные светлые волосы свободно струились по ветру.

– Ты ищешь смерти? – продолжала она. – Но зверь не даст тебе умереть в пустыне. Ты ищешь жизни? Так жизни здесь нет.

– Я не знаю, – с трудом вымолвила Сэм, приходя в себя. Она ощутила страшную тяжесть в теле, горечь в пересохшем горле, насколько сильную, что она не могла говорить.

– Ищи получше, если он по-прежнему тебе нужен, – внезапно нахмурилась незнакомка. – Зачем ты теряешь время и саму себя в этой пустыне? Здесь, – она обвела пространство рукой, – начало всего и конец всего, и людям нечего искать здесь, кроме пустоты и смерти. Но тебе пока рано умирать

Она резко, без усилий поднялась с песка, подошла к Сэм и протянула ей руку. – Поднимайся, – велела она.

Сэм приняла руку и встала, но тут же покачнулась и оперлась всем телом на незнакомку. Ноги не держали её, тело не слушалось. Рыдания снова подступили к горлу, и слёзы бурным потоком хлынули наружу. Сэм рыдала во весь голос, и странное чувство облегчения овладевало ей. Она вдруг осознала, что не одинока в своём горе, что эта странная, незнакомая гостья пришла, чтобы разделить с ней её одиночество, её пустоту, она подарила ей надежду и веру в будущее. Девушка гладила её по плечам, по спине, и ничего не говорила, а потом отстранилась и заглянула ей глубоко в глаза.

– Сэм, – прошептала она, – я пришла, чтобы вернуть тебе надежду, ведь он всё ещё жив. Он никуда не исчез, он просто уехал, и сейчас очень страдает. Ты нужна ему, более того, только ты можешь спасти его сейчас, поэтому уезжай отсюда, уезжай прямо сейчас, к нему.

– Но куда?.. – глаза Сэм снова наполнились слезами. – Если бы я только знала, где его искать?

Девушка вздохнула, а потом заглянула Сэм глубоко в глаза. – Там, к северо-западу отсюда, – прошептала она, не отводя взгляда, – на острове, ты найдёшь его. Направляйся в сторону Пиренеев, там на побережье ты сядешь на большой паром и пересечёшь залив. Именно там, в древнем каменном городе, он и ждёт тебя. А больше я ничего не могу тебе сказать, – она отвернулась.

– Ты найдёшь его?

– Да, – кивнула Сэм, – я всё поняла. Но кто же ты такая? Ты моё видение? Но ты реальна...

– Зови меня Изабель и помни, что всему своё время, – ответила девушка, а потом повернулась и ушла, не прощаясь, растворившись, словно призрак, в тяжёлом раскалённом воздухе пустыни. Зверь поднялся с песка и потрусил вслед за ней, не оглядываясь.

Сэм долго смотрела вслед растаявшему миражу, а потом вытерла с лица остатки слез, собрала холст и краски, наполовину уже занесённые песком, села за руль и, напившись вдоволь воды, окончательно пришла в себя и поехала прочь из пустыни.

Анна неслышно ступала в ночи по уцелевшим камням древней мостовой. Руины давно разрушенных вилл, нависавших над ней, молчали в своей вековой неподвижности. Помпеи больше не говорили с ней, все затерявшиеся во времени души погибших ушли после огромного очистительного костра, в котором сгорела вся нечисть, обитавшая в подземельях под засыпанным пеплом городом в течение долгих веков, и только ветер шелестел в кронах деревьев, напо-

миная о течении времени. Иногда ей казалось, что время здесь остановилось, что сама вечность нашла здесь приют и в бесконечной глубине руин неустанно создаёт покрывало небытия. Анна любила приходить сюда по ночам в одиночестве и бродить до рассвета, прислушиваясь к отголоскам прошлого. Здесь вода журчит на дне разрушенного колодца, там под камнями сияет бесконечно давно оброненная монета, а в глубине двора истлевают последние нити детского платья. Будущее, которое не случилось, прошлое, погребённое под слоем пепла. Знание, которое никогда не откроет смертным своим тайны, время, которое безвозвратно ушло, прошлое, которого больше нет. Небытие завладело здесь всем, остановив время, и сама она погружалась в сумрак пустоты, заигрывая с вечностью, теряя ход времени и с трудом находя дорогу назад. Иногда Александр приходил за ней, разрывая связь с небытием, и тогда время возвращалось в своё русло, обретало привычный ход. Анна прижималась к любимому и прятала лицо на его груди, чувствуя биение сердца, движение крови по венам, дыхание самой жизни.

Она тяжело вздыхала, вспоминая своё погружение на дно реки времени, туда, где движение секундной стрелки больше не имеет значения. – Алекс, – спрашивала она, – что такое наше бессмертие? Неужели пройдут века и тысячелетия, а мы по-прежнему будем бродить по этой земле, оставаясь такими же молодыми и красивыми? Неужели ничто не сможет поколебать основы нашего бытия? И мир ничего не сможет противопоставить нам? Я чувствую себя неуязвимой, когда брожу среди этих развалин, я вижу вокруг себя только смерть и разрушение, сокрушительные следы времени, и иногда мне хочется зайти под эти полуразрушенные своды, чтобы обрести покой вместе с жителями давно погибшего города, а иногда я жажду вознестись к небесам и оттуда осматривать землю холодным, равнодушным взглядом, чувствовать себя властителем мира, вершителем судеб. Но я оглядываюсь по сторонам, доверяюсь вечности и иду дальше по нашему общему с тобой пути.

Но сегодня она бродила по руинам в одиночестве, и никто не отвечал на её безмолвные вопросы. Тишина окутывала её покрывалом, под покровом ночи нашёптывая ей наедине тайны прошлого. Прохладные камни молчали, а на горизонте, за стройными прямыми силуэтами деревьев, возвышалась мрачная громада вулкана.

Непривычный звук внезапно нарушил тишину. Анна прислушалась и уловила неясный шелест, глухие отзвуки чьих-то тяжёлых шагов по мостовой. Она затаила дыхание и отступила в тень домов. Звук усиливался, и вместе с ним ветер принес резкий, едкий запах зверя.

Анна неслышно отступила в тень дома, ожидая пришельца. Он появился в просвете между домами, и яркий свет полной луны подсветил его мощное звериное тело, похожее на волчье, только гораздо крупнее, серебристую густую шерсть и окалившуюся пасть, полную длинных острых клыков. Зверь замер, прислушиваясь и принюхиваясь, а потом повернул свою голову к ней и низко, угрожающе зарычал.

Анна вздрогнула, ощутив надвигающуюся угрозу. – Алекс, – мысленно позвала она, – я в опасности, – а потом легко вспрыгнула на крышу, увернувшись от острых клыков, щёлкнувших в полуметре от неё.

Она побежала по крышам, легко перепрыгивая с одного дома на другой, ускоряя шаг, стремясь выбраться из лабиринта руин на открытое пространство амфитеатра. Зверь не отставал и широкими прыжками мчался вслед за ней, постепенно нагоняя. Вот он прыгнул на неё и, схватив лапами, повалил вниз, на землю, стремясь добраться клыками до её горла. Они упали прямо на брусчатку тротуара, Анна тяжело выдохнула от удара о камни, но не разжала пальцы, держа тварь за горло и не давая его клыкам подобраться к себе.

– Что же ты такое? – думала она, напрягая все силы, чтобы сдержать зверя, и смотря прямо в его глаза. Там не было ничего, ни проблеска разума, только дикая животная ярость и страсть убийства. Она держала его горло, напрягаясь из последних сил и чувствуя, как силы её начинают ослабевать, зная, что через секунду, когда она ослабит хватку, его клыки сомкнутся на её горле. – Я бессмертная, но такая слабая, – вздохнула она. – Алекс, где же ты?

Его руки сильным рывком сорвали с неё зверя, отбросив далеко в сторону, на стену каменного дома. Вампир поднял её с земли, на мгновение заглянул в глаза, чтобы убедиться, что она в порядке. – А теперь побежали так быстро, как никогда ещё не бегали, – сказал он и, подхватив её на руки, стремительно помчался в сторону амфитеатра.

Зверь быстро пришёл в себя и нагонял их, звериное дыхание неумолимо приближалось.

– Ты не получишь нас, – прорычал вампир, забежав под своды арены и выйдя на открытое пространство. Подсадив Анну повыше на каменные скамьи, он повернулся навстречу неизбежной схватке. Зверь уже был здесь, он бросился на него, стремясь повалить с ног, но вампир устоял. Он сдерживал натиск когтей и клыков, не давая им добраться до своего горла, он крепко сжимал зверя, перекручивая ему суставы, ломая кости в страшной хватке, но тот не отступал.

– Хочешь сказать, что ты тоже бессмертен? – яростно вскрикнул вампир. – Как тогда тебе такое?

Он отлетел в сторону, вырвал из кладки большой камень и обрушил его прямо на голову зверя, переламывая кости черепа. Тварь рухнула на землю, вампир склонился над ней и, сжав голову, с силой надавил на глаза, продавливая их внутрь черепа, ломая кости и круша мозг. Зверь лежал, из раны на его голове текла густая, тяжёлая красная кровь, заливая его тело и землю вокруг него. Он больше не шевелился.

Вампир поднялся к Анне. Она крепко прижалась к нему, переживая случившееся, страшную угрозу, нависшую внезапно над их жизнями.

– Что это такое, Алекс? – с тревогой и страхом спросила она. – Ты знаешь?

Вампир ответил не сразу, внимательно изучая неподвижное тело врага.

– К сожалению, да, – наконец кивнул он, прижимая девушку к себе, – эта тварь также бессмертна, как и мы, но она порождение другого порядка. Мы не сможем её убить, потому что и люди, и подобные нам уже пытались это сделать, и не один раз, но тварь всегда возрождалась и снова приходила в мир.

– Почему он хотел убить нас?

– У меня нет ответа на этот вопрос, но мы должны это выяснить. Пойдем, мы должны скорее убраться отсюда, пока зверь не очнулся. Он не будет нападать на нас в городе, но в любом случае, мы не должны рисковать, нам нужно уезжать отсюда.

– Куда же мы поедем? – вздохнула Анна, предчувствуя неизбежные скорые перемены, которые прервут их покой и забвение в этом безлюдном месте.

– Есть только один вампир, – горько улыбнулся Алекс, – который имел дело со зверем, и мы должны теперь ехать к нему. Мы поедem в Лондон.

Анна прижалась к груди вампира, а тот молча гладил её волосы, лаская в нежном свете луны. Вот уже год они провели только вдвоём, поселившись в Помпеях, неспешно изучая древний город, избавленный от нежити, и его забытые тайны, которые он уже никому не расскажет. Они не искали общества других, вампиров или людей, они жили в одиночестве, приходя в себя после страшных пережитых ими событий и не расставаясь теперь больше чем на одну ночь. Так могла бы пройти вечность, – иногда думала она, глядя в пустоту небес, – и эта вечность не надоела бы никогда рядом с тобой, Алекс. А иногда непознанные тайны манили её с горизонта событий, и тогда она нетерпеливо встряхивала головой, отгоняя вестников будущего, в надежде замереть ещё немного в настоящем, не позволяя их пути вновь свернуть и увести их от спокойствия и размеренной жизни.

– Будущее неизбежно настигнет нас, – сказал ей вампир, угадав её мысли. – Мы не сможем вечно скрываться здесь от мира, и мы должны теперь вступить в противостояние со зверем. Нам не стоит опасаться будущего, ведь что бы ни случилось, мы всегда будем вместе, несмотря ни на что.

– Вместе, – прошептала Анна, не отрываясь от его груди, и тихо вздохнула.

Рассвет обрисовывал контуры вековых деревьев на востоке, подсвечивая розовым небеса, а они всё стояли, обнимая друг друга, и смотрели вдаль, в ожидании неизбежности грядущих событий.

Макс нетерпеливыми шагами измерял комнату. Буря чувств отражалась на его лице, смятение, гнев, тоска, и снова смятение. Неведомые раньше предчувствия одолевали его, и он не знал, что с ними делать.

– Эдвард! – воскликнул он, обернувшись к неслышно вошедшему в комнату наставнику. – Наконец-то! Я вконец измучился.

Он присел на диван и склонил голову к коленям, в отчаянии зажав её руками и не шевелясь. Эдвард присел рядом и нежно взъерошил его волосы.

– Что тебя тревожит, малыш? – спросил он.

– Я больше не могу пить кровь, – простонал Макс. – Каждый раз, когда я прикасаюсь к кому-то, хочу пронзить чужую хрупкую вену своими клыками, я вижу его образ словно наяву, чувствую его злобу и гнев, вижу и отчетливо, до боли, ощущаю, как его огромные клыки перекусывают мою собственную шею. Он словно угрожает мне, запрещая мне пить чужую кровь, и я больше так не могу. А самое страшное, что это происходит только в моей голове, я даже не знаю, существует этот зверь наяву или только скалится на меня в моём воображении.

– Зверь?.. – с тревогой переспросил Эдвард. – И давно ты его видишь?

– С неделю, не больше. Эти видения начались сразу, как только ты уехал. Временами, когда я шёл по городу, бродил без цели, мне виделись два звериных глаза, горящие во тьме, ненавидящим взглядом смотрящие на меня. Но через секунду видение пропадало – и я шёл дальше. А когда я хотел прикоснуться к человеку, чтобы взять немного его крови... Тогда эти глаза оживали прямо внутри меня, висели, словно плаха палача, перед моим взором, сдерживая мою жажду надежнее любых цепей. Всего неделю, Эдвард, – повторил Макс, – но мне так страшно и кажется, что я не смогу долго выдержать этой пытки. Я умру от страха и жажды крови, которую теперь не смею взять у смертного.

– Так пей! – Эдвард взял его голову в свои руки и притянул к своей шее.

Макс нетерпеливо вздохнул и прокусил кожу клыками, добираясь до артерии. Кровь забила яростным потоком, заливая ярким огнём его жажду, его страх и его боль, избавляя от страданий и насыщая бессмертной силой. Он оторвался от шеи вампира и откинулся на спинку дивана, успокоившийся и насытившийся.

– Ты видишь зверя, когда пьёшь мою кровь? – спросил Эдвард.

Макс отрицательно покачал головой.

– Тогда покажи мне его.

Он взял его руку, поднес ко рту, прокусил клыками запястье и сделал пару глотков. Образ зверя предстал перед его глазами. Кровожадная волчья морда с горящими злобой глазами, длинные острые клыки, необычайно крупное тело, ярость, пропитывающая всё его животное существо и источающаяся наружу.

– Ты видел его? – прошептал Макс.

Эдвард утвердительно кивнул, а потом встал и прошёл в задумчивости к окну.

– В последний раз я видел зверя во времена Чёрной смерти, – задумчиво сказал он. – Его приход всегда ознаменовывает грядущие перемены, и он почти всегда приносит с собой страх и гибель. Но почему ты, Макс? Почему ты встал на его пути? Что бы это значило? Посоветоваться бы с Димом, но тот, как назло, уехал забавляться человеческими страстями.

Он глубоко вздохнул и вернулся к ученику. – Макс, – серьёзно сказал он, глядя ему внимательно прямо в глаза. – Будь рядом и не выходи надолго в город без меня. Зверь сильная тварь, и, если он вышел на тропу войны, тебе от него не защититься, не спрятаться. Никто и никогда не мог убить зверя, ведь он бессмертен, как и мы, но его бессмертие совсем иного рода,

он питается от самой сущности хаоса, берет свою демоническую силу из тектонических глубин земли и всегда приносит с собой проклятие роду человеческому. Дим пытался одолеть его и не смог, вместо этого сам на долгие века ушёл под землю, не в силах пережить потрясения того времени и страшные разрушения, которые они с собой принесли, а зверь продолжил бродить по миру и в течение долгих веков приносил с собой гибель и страх всему живому.

– Но что же он такое?

– Только Дим знает, но он хранит эту страшную тайну глубоко внутри себя. Возможно, пришло время поделиться с нами этой правдой. Мы спросим у него, когда он вернётся. А пока нам надо беречь силы для битвы со зверем, так что прошу тебя, будь рядом со мной и не подвергай свою жизнь опасности без лишней нужды. Если зверь придёт за тобой наяву, я буду рядом, чтобы защитить тебя от него.

Макс согласно кивнул и подошёл к учителю.

– Эдвард, – сказал он, – я не хочу умирать. Я только прочувствовал вкус своей новой жизни, ты подарил мне вечность и научил справляться с ней, научил идти вперёд по пути бессмертия, не оглядываясь, не сожалея ни о чём. Я хочу жить, хочу дарить людям свою музыку, и я не хочу потерять тебя. Пожалуйста, будь осторожен. Я не знаю, кто такой этот зверь, ведь я слишком молод для знания истории, но я точно знаю, чего хочу, и в этом будущем, которое я вижу, мы все должны быть живы, должны быть рядом, счастливы и уверены в завтрашнем дне.

– Так и будет, дитя моё, – отвечал ему вампир, – приход зверя предвещает перемены, но мы сильны, мы накапливаем могущество в бессмертии, так что нам есть что противопоставить его звериной силе и ярости. Если на чаше весов сейчас наше существование или торжество хаоса, мы будем сражаться, и мы победим.

Софи проснулась ранним утром, когда за окном серо-розовой пеленой начинал выстилаться рассвет. Восход солнца обещал новый день, а вместе с ним – начало новых забот. Софи вздохнула в тягостном ожидании и направилась в душ. Там, стоя под струей прохладной воды, она в очередной раз боролась с искушением выйти из отеля, сесть в самолет и улететь на материк, ни с кем не прощаясь. И, переборов это желание в очередной раз, она направилась завтракать.

Сидя на балконе со стаканом апельсинового сока в руке, она отстранённо наблюдала, как просыпается город, клерки в строгих костюмах спешат на работу, цветочники открывают свои лавки и разгружают товар, а продавцы круассанов и сэндвичей выстраиваются вдоль улиц, ведущих к метро.

– Когда-то я стремилась быть в самом центре этой жизни, – думала она, – а теперь мне хочется забиться в самый тёмный угол мира, спрятаться там в тишине, и чтобы никто не трогал, никто не мог найти меня, пока я не приму решение.

Она попробовала овсянку. Та уже давно остыла и застыла серой склизкой массой на тарелке. Софи поморщилась и отодвинула её, налила себе кофе.

– Когда это все началось? – вспоминала она. – Когда я подписала свой первый контракт с британским Vogue или раньше, в ту памятную осень, когда я встретила Анну после долгой разлуки?

Встреча снова ожила в её памяти, горящие нечеловеческим огнём глаза подруги опять словно заглядывали ей прямо в душу, спрашивая, в чем же смысл её смертной жизни. Анна... она всегда слишком серьёзно воспринимала всё происходящее с ней и, встретив однажды вампира, уже не смогла сойти с подаренного ей пути бессмертия. Софи же наслаждалась каждым мгновением её смертной жизни и, как тогда ей казалось, не променяла бы свою короткую и чувственную жизнь на неопределённую и бесконечную вечность. Никогда и ни за что. С тех пор прошло три года, Софи исполнилось тридцать пять лет, она была всё также молода и красива, всё те же бурные романы сводили её с ума и дарили страсть как наркотик, но с той встречи,

она чувствовала, что–то надломилось в ней. Она стремилась убежать от самой себя, чтобы не отвечать на самый главный вопрос – а что же дальше? Что стоит за чередой этих эмоций, впечатлений, романов, влюблённостей, красивых фотографий и страстных мужчин? Если её единственная близкая подруга смогла обрести счастье только в бессмертии, что же остается ей самой?

Софи вздохнула. Тогда же, три года назад, она обрела популярность и стала постоянно ездить по миру, постоянно подписывая новые контракты, получая дорогие заказы. Она обзавелась личным менеджером, сама же полностью сосредоточилась на продумывании своих будущих работ, режиссируя их на бумаге, подбирая цвета, детали, текстуры, так, чтобы точно передать настроение и атмосферу съёмок. Она воспринимала свои работы как произведения искусства, втайне мечтая о том, что и они когда-нибудь украсят стены картинных галерей. И в то же время она так устала, осознавала она, от постоянной смены впечатлений, перемены мест, мимолётных знакомств и таких же расставаний, от всё ускорявшегося бега времени, который вёл её, казалось, в никуда. С каждым днём она всё острее ощущала бессмысленность всего происходящего и больше всего на свете хотела сейчас остановить время, чтобы осмыслить, осознать свою жизнь, саму себя, свои творения и своё будущее.

Она оделась и отправилась в лондонский офис на встречу с менеджером. Там их ждал новый контракт и новая модель для съёмок каталога мужского белья, загадочный, очень модный и безумно дорогой мужчина.

– Может, я потому так и стремлюсь к воссоединению с тобой, Анна, – вздыхала Софи, смотря сквозь окно такси на шумный Сити, – что прошлое – это всё, что осталось у меня, настоящее – это я, моё творчество и больше ничего, а будущее так неопределенно и размыто, что я стараюсь ничего от него не ждать.

Она вошла в офис, расположенный на тридцатом седьмом этаже небоскрёба. Там её уже ждали менеджер с бодрым деловым лицом и незнакомец, с отрешённым видом разглядывающий город в панораме огромного окна. Солнце, стоявшее высоко в безоблачном небе, подсвечивало его высокую фигуру, шапку золотых волос на голове, идеальную белую кожу, слегка тронутую золотистым загаром, так что он сам весь светился изнутри, словно древнегреческая статуя, изваянная из мрамора.

Софи застыла на пороге, замороженная открывшимся перед ней великолепием человеческой природы, и в восхищении разглядывала незнакомца. Он же, почувствовав на себе её взгляд, повернулся и подошёл к ней.

– Дим, – протянул он ей руку. – Нам предстоит работать вместе ближайшую неделю.

Софи молча протянула ему руку в ответ, продолжая изучать его прекрасное лицо, безупречную кожу, изящные черты лица, полные розовые губы, изгибающиеся в легкой соблазнительной улыбке, светлые, почти прозрачные голубые глаза, в глубине которых пряталось что-то неуловимое и слегка пугающее. Дим взял её руку в свою и, повернув к себе запястьем, поцеловал тонкую кожу.

Софи вздрогнула и очнулась. – Извините, – пробормотала она, – вы так красивы, что мне показалось, я вижу прекрасный сон наяву.

Дим внимательно смотрел на неё, ничего не отвечая, изучая её взглядом в ответ. Вот он нащупал тонкую нить мыслей, уводящую в прошлое, и чуть заметно вздрогнул, увидев там знакомые образы. А Софи смотрела ему прямо в глаза и погружалась, тонула, теряя равновесие и осознание происходящего.

– Давайте перейдём к обсуждению проекта, – прервал их затянувшийся безмолвный диалог менеджер. Он развернул альбом с набросками Софи, и тогда она наконец пришла в себя, оторвав взгляд от голубых глаз вампира. Они перешли за стол в центре комнаты.

– Мы будем снимать новую коллекцию мужского белья, простую и изящную, из чистого белого хлопка, так что эта простота лучше всего будет смотреться не в павильоне, а на фоне

первозданной природы. Нам повезло, – улыбнулась она, – я подобрала идеальный пейзаж к северо-востоку от Лондона, на пути к побережью. Там ещё сохранились руины католического аббатства, разрушенного в древние времена, они стоят на холме и выгодно оттеняют и тёмные лесные заросли по соседству, и небольшую деревню, раскинувшуюся рядом в долине. Мы выбрали небольшую поляну, окружённую зарослями малинника, ягоды уже поспели, так что мы соберем всю гамму цветов, от малиново-красного до тёмно-зеленого, а приближающаяся по прогнозу погоды гроза подарит нам идеальный для бури синий цвет.

Дим внимательно наблюдал за Софи, пока она вдохновлённо рассказывала свои идеи.

– Я согласен, – кивнул он. – Когда мы выезжаем на съёмки?

– Завтра рано утром, – уточнил менеджер, – если у вас нет никаких возражений.

– Нет, – ответил Дим. – Я же сказал, что мне всё нравится. Если позволите. – Он протянул руку к альбому с набросками. – Я оставлю это у себя до завтра.

Софи кивнула.

– Всё так просто, – рассмеялась она, – я ожидала критики или возражений.

– Разберёмся на месте, – подмигнул Дим. – Вдруг я найду более живописное место для съёмок... Сейчас же, если формальная часть окончена, позвольте пригласить вас позавтракать.

– А я как раз так голодна, – улыбнулась Софи, и они вместе вышли из здания.

– Если ты не против, – говорил Дим, идя рядом с ней неспешным шагом, – мы поедem в старую часть города. Я не люблю небоскребы, они ломают облик древнего Лондона, им не место среди его величественной многовековой истории. Пусть стоят себе на отшибе и не вмешиваются своей архитектурой в гармонию викторианских домов.

– Ты любишь Лондон? – улыбнулась Софи.

– О, это великий город, – уверенно отвечал ей Дим. – Основанный больше десяти веков назад, на руинах сгинувших во тьме истории цивилизаций, он переживал историю вместе со всем миром, каждый камень в его фундаменте может рассказать нам так много, запечатлённого в тверди, о потрясениях и страданиях человечества, войнах и болезнях, поведать нам всё то, что сокрыто в глубине истории от человеческих глаз.

Софи слушала его, широко раскрыв глаза, находя в его монологе отголоски давних рассуждений Анны о тайнах истории. Дим поймал её взгляд и осёкся.

– Я слишком увлёкся, – рассмеялся он. – Ещё не время для таких серьёзных разговоров. Возможно, как-нибудь вечером за бокалом вина мы ещё порассуждаем о прошлом, а сейчас только утро, время уверенно смотреть в будущее.

Они замолчали, увлекшись каждый своими мыслями.

– Софи, – думал он. – Прекрасная Софи, так неожиданно прочесть в твоей голове мысли об Анне, увидеть другую сторону этой истории, посмотреть на прошлое глазами смертной. Ты прекрасный художник, творец, уже запутавшийся в жадных объёмах вечности, смятённый её соблазнительными шептываниями. Какая же роль уготовлена мне в этом новом спектакле?

А Софи в это время думала о своём новом знакомом.

– Новые идеалы красоты, – она мысленно набрасывала прекрасный облик Дима. – Совершенные формы смертного тела, переходящая красота, которая рано или поздно померкнет во тьме, оставив после себя только недолговечные глянцевые снимки. Древние создавали предметы искусства ради вечности, а нашему веку досталось выразить красоту в рекламе, запечатлеть мимолетное мгновение совершенства ради минутной прихоти покупателя.

– Расскажи мне о себе, – попросил её Дим в кафе. – Мне хочется побольше узнать о тебе.

– Я фотограф, – улыбнулась Софи. – Сначала я работала в России, в Москве, в нескольких местных изданиях, вела репортажные и модельные съёмки, а потом однажды увлеклась их продюсированием, проработкой атмосферы, интерьеров, реквизита, созданием цельного образа. С тех пор я постоянно езжу по миру, работаю с разными брендами, разными сюжетами, создаю

произведения рекламы и мечтаю, что хоть малая толика созданного мной останется в истории как произведения искусства.

– Мне очень нравятся твои идеи для этой съёмки. Мы все здесь приносим себя в жертву мгновению, создаем картины, которые существуют не больше месяца на страницах журналов или в виде мелькающих кадров на экране. Через месяц нас забывают, сминают, выбрасывают на помойку и складывают в архивы, чтобы выпустить следующую серию мимолетных шедевров. Наши работы не будут украшать стены картинных галерей, они создаются, чтобы продавать, внушать желание и жажду обладать нашими телами, нашими душами. Но ты не думаешь о продаже белья, когда набрасываешь эскиз обнажённого мужчины на фоне зарослей малины, ты думаешь только о красоте.

– О преходящей красоте, – дополнила его Софи, – любая наша работа ценна тем, что она преходяща, что нас скорее всего выбросят на помойку цивилизации, когда эта эпоха закончится, но в истории должны остаться упоминания о наших идеалах и мечтах, пусть даже существующих в пределах одного мгновения. Именно их я и хочу выразить в своих идеях, миф о красоте, побеждающей смерть и время, в вечной красоте.

– Ты веришь в вечность? – неожиданно спросил её Дим.

Софи удивилась и ответила внезапно для самой себя. – Для меня есть только это мгновение, оно существует в рамках одной секунды, оно проходит, и за ним рождается новое мгновение, чтобы через секунду опять стать прошлым, закончиться и больше никогда не повториться. Мы живём в настоящем и постоянно смотрим в будущее, которое никак не можем обрести. А вечность... я не поверю в вечность, пока не смогу попробовать её на вкус. Но я знаю, что, воплощая красоту в самой себе и в своих произведениях, можно обрести бессмертие. А бессмертие – единственное, что может спасти нас от забвения вечности, – Софи вздохнула и оборвала себя на полуслове, чтобы не продолжать этот грозящий стать слишком серьёзным и перейти в философские сферы разговор.

– Вкус вечности, – задумчиво прошептал про себя Дим, – однажды я попробовал тебя, и моя жизнь изменилась навсегда. С тех пор я породил многих, подобных себе, но войдёшь ли ты, Софи, в их число? Время покажет...

После завтрака Дим проводил её до отеля.

– До завтра, – улыбнулся он ей на прощание. – Хочу открыть тебе небольшой секрет – я сам напросился на эти съёмки, ведь, однажды увидев твои работы, я очень хотел однажды стать их героем.

Он повернулся и растворился в толпе, оставив изумлённую улыбку на губах Софи.

Ночью Дим стоял у окна и смотрел на город.

– Опять всё повторяется, – думал он. – Ты, Софи, заставляешь вспомнить меня об Анне и о том, что она пробудила меня для новой жизни. И эти проклятые руины... – вздрогнул он. – Я был среди тех, кто разрушал аббатства, грабил церкви, убивал священников, отчаянно заламывавших руки в мольбе сохранить им жизнь. Я был жестоким наёмником, и вечность сполна расплатилась со мной, разрушив мой родной город и отдав его в руки варваров. И это время прошло, бесследно растворившись в глубине веков. Когда-то монастыри и соборы были неотъемлемой частью земной жизни, а теперь они служат декорациями для съёмок, всего лишь безмолвным историческим антуражем для событий нового времени. Вечность поглощает всё, как кровожадный зверь, не оставляя нам ничего, кроме полуразрушенных подмостков, на которых разыгрываются новые драмы. И только от нас зависит, как мы сыграем новые роли, поддадимся ли искушению хаоса или будем слушать голос разума. Ты пробудила во мне прежние мысли, Софи, я так давно не ставил под сомнение своё существование, не вспоминал о смятении, которое пришло ко мне вместе со зверем. – Он вздрогнул. – Почему я вдруг вспомнил зверя? Он исчез, сгинул во мраке вместе со средними веками, его время закончилось, когда

человечество встало на новый путь созидания, вняло голосу разума, приняло идеи возрождения и просвещения. Проклятый зверь – порождение мрачного животного прошлого, и пусть он останется навеки погребен там вместе со своим хозяином хаосом.

А Софи плохо спала в эту ночь. Ей снилось, что она отчаянно барахтается в холодных тёмных водах, и тяжёлая лапа со звериными когтями держит её, не давая всплыть на поверхность и вдохнуть живительный воздух. Она ощущала всем телом, как глотает холодную солёную воду, как та заполняет её легкие и выдавливает из неё жизнь, как коченеет её тело, и воля к жизни угасает, означая приближение неизбежной смерти. Софи проснулась с диким криком, вся в холодном поту. Она заплакала от отчаяния, достигшего её во сне, села в кровати, обхватив руками колени, и больше не засыпала, боясь, что кошмар вернется.

– Неважно выглядишь, – приветствовал её на следующий день менеджер. Они выезжали рано утром из Лондона, чтобы приехать на место к обеду и настроить всё для съёмок.

– Мне не спалось, – пробормотала Софи, поудобнее устраиваясь на заднем сиденье автомобиля.

– Сны – это всего лишь сны, – внимательно смотрел на неё Дим, сидевший рядом. – Поспи, пока мы будем ехать, дорога займет два-три часа.

Софи согласно кивнула и крепко заснула без сновидений. Когда они приехали на место, она чувствовала себя необыкновенно бодрой и отдохнувшей и с восторгом оглядывалась вокруг.

– Всё так, как я себе и представляла! – восклицала она. – Какой прекрасный лес, идиллические белые домики в деревне, и эти величественные руины... – она замолчала, остановив взгляд на уцелевшей колокольне разрушенного собора, возвышавшейся над ними на холме в своём мрачном великолепии.

– Я должна отправиться туда после окончания дня, – пробормотала она, – пока же нам надо настроить все для работы, чтобы завтра приступить к съёмкам.

Они разместились в просторном деревенском доме, на первом этаже которого располагались кухня и столовая, на втором – комнаты для гостей. Войдя в свою комнату, Софи оглядела её простое убранство, деревянные полы, натертые до блеска, широкую деревянную кровать с высоким жёстким матрасом, чисто побеленные стены, высокие потолки и окно, закрытое тяжёлыми деревянными ставнями. Она раскрыла ставни и снова замерла в восхищении – её окно выходило прямо на колокольню.

– Скоро мы познакомимся с тобой поближе, – задумчиво повторила Софи.

Весь день они работали, настраивая аппаратуру, подготавливая реквизит и материалы.

– Завтра мы начнём снимать рано утром, когда солнце ещё будет висеть невысоко в небе, – сосредоточенно говорила Софи менеджеру, – начало дня подарит нам мягкий свет и безоблачное небо. А когда начнется гроза, мы сделаем другую серию, в новом контрастном свете, на фоне буйства стихии.

После ужина, когда все разошлись по своим комнатам, в ожидании следующего дня, Софи выбралась из дома и направилась вверх по холму к руинам. Сумерки уже накрывали окрестности, затеняя сизым цветом лес и скалы на горизонте, птицы замолчали, готовясь ко сну, фермеры давно разошлись по домам, и вокруг не было ни души.

Она постояла перед частично уцелевшим входом в древний монастырь – стена была почти полностью разрушена, и только высокая дверь каким-то чудом ещё держалась на прожавевших петлях в каменном проёме. Она толкнула дверь, та нехотя, с громким скрипом подчинилась и чуть подалась вперёд. Софи с трудом протиснулась внутрь. Обширный круглый двор весь был засыпан обломками камней, они буйно поросли бурьяном, вьюнок проползал по стенам, обвивая камни своей крепкой хваткой. Осторожно пробираясь среди камней, Софи подошла к уцелевшей арке, от которой начинался коридор, ведущий к церкви, и заглянула внутрь. Вечная тишина и глубокая темнота царили в коридоре, земляной пол был почти весь

залит водой, вода капала со стен и пропитала сыростью даже камни. Здесь было так мрачно, что Софи невольно поёжилась от страха, но любопытство победило, и она всё равно зашла внутрь. Подсвечивая свой путь неверным бледным светом фонаря и осторожно ступая по полу, она медленно продвигалась вперёд, звук каждого её шага отражался эхом от стен и порождал неясный шелест под крышей, то ли отзвуки её шагов, то ли перешептывание, то ли приглушенное хлопанье крыльев... Подавив вновь нахлынувший приступ страха, она дошла до площадки в центре коридора и остановилась – ровно в центре круга располагался каменный колодец, и насквозь проржавевшее жестяное ведро ещё покачивалось рядом на ржавой цепи. Она заглянула внутрь и отшатнулась, таким ледяным холодом повеяло на неё внезапно из пропасти. В колодце что-то зашелестело, зашуршало, коридор наполнился неясными звуками. А потом всё стихло, и Софи явственно услышала шёпот, доносившийся из глубины колодца.

– Софи... – прошелестела пустота, протягивая к ней свои прозрачные щупальца из глубины небытия. Софи в ужасе отшатнулась и почувствовала, как щупальца пустоты обвили и сжали её тело, силы покинули её, ноги стали ватными, а из колодца снова повеяло ледяным дыханием. Она вспомнила свой сон, а следом пришло видение, как она падает в глубину колодца, и сердце её замирает от ужаса, а потом она ударяется о твердую поверхность воды и медленно погружается в ледяную пустоту. Перед тем, как её веки бессильно закрылись, она ясно увидела два красных глаза, кровожадный взгляд, наблюдающий за ней во тьме.

– Софи, – кто-то настойчиво тряс её, заставляя прийти в сознание. Она с трудом открыла глаза – Дим держал её в своих руках. – Давай же, приди в себя, Софи, здесь нельзя спать!

Он поднял её с холодного пола и понес прочь из коридора, в заброшенное пространство собора, под его своды. Там, найдя свободное от обломков камней место, он положил её на землю и, держа её голову в руках, терпеливо ждал, пока она придет в себя.

Софи открыла глаза и молча смотрела в высоту тёмно-синего неба, усыпанного звездами. Дим гладил её по щекам.

– Больше никогда не броди здесь одна.

– Почему? – спросила она.

– Здесь живёт зло, – задумчиво проговорил он, – оно до сих пор скрывается под камнями, питается силой убийства, ведь когда-то давно демоны хаоса правили здесь, они до отвала насыщались насилием, разрушением, они пожирали плоть невинных монахов, пили проливающуюся здесь кровь и пировали на руинах. Эти времена давно канули в лету, и демоны ушли, но хаос до сих пор не отпускает землю. Я тоже почувствовал его, Софи, – склонился он к девушке, – я был неправ, думая, что зверь ушёл навсегда из этого мира, нет, эта тварь затаилась во тьме, предвещая мрачное и неизбежное грядущее, и ждёт своего часа, чтобы выбраться на свет и наполнить мир страхом, болью и смертью.

– Зверь? – удивлённо спросила она. – Что он такое, этот зверь, про которого ты говоришь с такой тревогой?

– Это старые сказки, – нахмурился Дим. – И ни к чему говорить о них сейчас, рядом с дырой в пустоту, ведущей прямо в логово хаоса. Давай лучше обойдём собор, здесь безопасно.

Софи кивнула и поднялась на ноги. Они осмотрелись по сторонам. Алтарь был уничтожен в старые времена, статуи святых сброшены со своих постаментов и разрушены, цветные витражи осколками рассыпались по полу. Готические своды чудом почти полностью уцелели и гордо смотрели в небо, бледный свет луны заглядывал внутрь сквозь наполовину обрушившуюся крышу, заливая пространство холодным мертвенным блеском. Тишина царил в соборе, и это была тишина, спорившая с самой вечностью.

Они замерли в центре, смотря в тёмно-синее, усыпанное россыпью звёзд небо. Дим держал Софи за руку, и от этого она чувствовала себя спокойно и уверенно.

– Я хочу подняться наверх, на вершину колокольни, и осмотреть окрестности, – взглянула она на него.

– Что ж, пойдём поищем ход наверх, – кивнул он.

Они нашли винтовую каменную лестницу, ведущую на крышу, в боковой башне, которая когда-то служила колокольной, и теперь медленно шли наверх. Дим ступал впереди, пробуя каждый камень в кладке, и придерживал девушку за руку, чтобы та не оступилась. И снова Софи казалось, что она разговаривает в тишине с историей, время остановилось и больше не имело никакого значения, сама вечность держала её за руку. Но только эта вечность была так надежна и так притягательна, ей хотелось довериться, она окутывала её своим теплом...

– Кто мы перед лицом этой вечной красоты? – вздохнула она, когда они вышли наверх и перед ними раскинулось необозримое пространство ночи. Далеко внизу спала деревня, и только редкие огоньки подсвечивали небо на горизонте. Вокруг них царилась ночь, могущественная, необъятная, и они ощущали, как время и пространство проходят сквозь них, в неизбежном круговороте секунд забирая себе по крупице их жизни.

– Мы никто и мы всё, – уверенно отвечал ей Дим. – Смертная жизнь – всего лишь мгновение в вечном течении вечности.

Софи вздохнула. Снова ей вспомнилась Анна, её горящий взгляд, приглашающий за собой в вечность.

Дим взял её за плечи и развернул лицом к себе.

– Почему ты страдаешь, Софи? – требовательно спросил он. – Ты вздыхаешь о своей смертности? Так ты каждый день обретаешь бессмертие благодаря своим творениям, а если ты ищешь вечности, тебе стоит только решиться и попросить её.

– Попросить? У кого попросить? – изумлённо переспросила Софи.

Она смотрела в его глаза и тонула в их глубине, погружаясь в пустоту, ощущая, как ночь сгущается, поглощает всё её существо, забирает себе её сознание, погружает в пучину небытия, спокойствия, умиротворения. Дим наклонился и нежно поцеловал её в губы.

– Пойдём домой, Софи, – сказал он. – Нас ждёт новый день.

Она согласно кивнула.

Выйдя за пределы аббатства, они услышали прогрохотавший вдалеке гром и ощутили на своём лице первые капли дождя.

– Вот и обещанная гроза, – рассмеялась девушка. – Похоже, завтра утром съёмки рискуют не состояться.

– Бежим, нам стоит поторопиться, иначе мы промокнем насквозь, – Дим подхватил её на руки и быстро побежал вниз к деревне, стремясь обогнать сам дождь. Добежав до дома и зайдя внутрь, он бережно поставил её на землю.

– Ты даже не запыхался, – удивилась девушка. – И ты перегнал дождь.

– Нам всем пора спать, – улыбнулся он. – Спи спокойно, Софи, и плотно закрой ставни на ночь, чтобы их не распахнуло ветром.

Она крепко, без сновидений, спала в эту ночь, а Дим сидел снаружи у стены под окном её комнаты и размышлял. Так велико было его желание, что он с трудом смог перебороть его там, среди руин.

– Я не буду открывать ей свою тайну, по крайней мере пока мы не закончим работу, – наконец решил он. – Да, моё искушение велико, и тем сильнее моя жажда, но я должен сдерживать себя, должен...

Он резко встал с земли и стремительно помчался в лес, едва касаясь ногами земли – в поисках животной крови, чтобы утолить жажду охотой на зверя.

Сэм прилетела в Лондон спустя две недели после странной, судьбоносной встречи в пустыне. Вернувшись в Москву, она собрала вещи и потратила почти все оставшиеся деньги на билет в одну сторону.

– Такое чувство, – задумчиво говорила она сама с собой, закрывая чемодан, – что я теперь долго не вернусь сюда, или вернусь совсем другой... О, если бы Изабель была права и время ожидания наконец закончилось! Я же жила весь этот год только надеждой на то, что ты не исчез навсегда из этого мира, что мы сможем встретиться в будущем. – Она глубоко вздохнула и вышла из квартиры, крепко заперев за собой дверь и уже не надеясь вновь вернуться сюда.

В Лондоне стояла ранняя осень, последние розовые кусты ещё цвели, предвкусывая долгий зимний сон, и листва ещё всю зеленела на деревьях. Выйдя из метро навстречу тёплому солнцу и безоблачному небу, Сэм вздохнула с облегчением. Она любила новые города, незнакомые ей, она всегда предвкушала тот первый, незабываемый миг очарования, знакомства с непознанным, когда всё вокруг открывает ей себя, а она, казалось, постигает самую суть вещей. Так когда-то она сбежала из Москвы в Испанию, пытаясь забыть о своём горе, и там же обрела надежду. А теперь вновь настало время непознанного, которое открывалось ей по частям, постепенно, не спеша рассказывать свои тайны. Она шла и вспоминала прошлое, свою кофейню, в которой проработала несколько лет, свои картины, которые она писала по ночам после работы или долгими ясными выходными днями, свою трагическую страсть, так и оставшуюся без ответа. Теперь это все было в прошлом, а сама она была как белый лист бумаги, на котором будущее было готово написать новые строки, как чистый холст, который скоро будет расписан красками будущей жизни. Она шла по улицам города, наугад выбирая дорогу, и часто замирала в восхищении, разглядывая лаконичные и прекрасные в своей простоте невысокие викторианские дома, яркие витрины, знаменитые двухэтажные автобусы, подкармливая белок и лебедей в парках. Сделав большой круг по городу, она вышла на набережную и побрела в сторону апартаментов, которые она сняла неподалёку от реки. День близился к закату, и розовые солнечные лучи нежно подсвечивали небесный свод, отражаясь в воде, заполняя мягким светом пространство города, бросая розовые блики на покатую черепицу домов, на своды церквей и гранитные камни набережной.

– Ты очень красив, Лондон, – в восхищении проговорила Сэм, подводя итог сегодняшнему дню. – Мне и вправду хочется задержаться здесь подольше.

Она снова глубоко вздохнула и побрела дальше по набережной. Щемящее чувство одиночества иногда сдавливало ей сердце, а потом понемногу отпускало, оставляя пустоту и незаживающую рану потери глубоко внутри. Она крепко спала в эту ночь, и ей снилось, как Макс стоит на сцене, опустив гитару, и молча, долго смотрит на неё, а вокруг беснуется и требует продолжения толпа.

Софи проснулась ранним утром, от того, что первые солнечные лучи, проникшие сквозь ставни, нежно коснулись её лица. Она повернулась лицом к окну и сладко потянулась в кровати.

– Дим, – задумчиво пробормотала она, с улыбкой на губах, – ты пришёл в мою жизнь, чтобы подарить мне надежду? Или смятение? Зачем ты дразнишь меня разговорами о вечности? Ведь я уже почти влюбилась в тебя, в твою ослепительную улыбку, очарование которой заставляет покориться тебе, самоуверенную мужественность, которая притягивает и соблазняет без слов...

Она встала с кровати и распахнула ставни. Земля уже подсыхала после прошедшего ночью ливня, влага нежно сияла под лучами восходящего солнца на ярко-зелёной траве, на нежных цветах, усыпавших луг до самой линии леса на горизонте. Софи замерла, невольно заворожённая зрелищем рождения нового дня, и долго, бездумно смотрела вдаль, слушая тишину и трели птиц, приветствующих восход солнца. На дороге, ведущей от леса к деревне, появилась небольшая точка, она стремительно приближалась, увеличивалась в размерах, и вот в ней уже можно было разглядеть человека, несущего что-то большое и бесформенное на своих плечах. Софи присмотрелась и увидела высокую сильную фигуру, светлые волосы, развеваю-

щиеся на ветру – это был Дим, возвращавшийся из леса. Она быстро накинула на себя одежду, пригладила взлохмаченные после сна волосы и сбегала вниз по лестнице – он уже был там, за углом дома, стоял, прислонившись к стене, и глубоко дышал, скинув свою ношу на землю. Софи невольно вскрикнула от ужаса и изумления – его обнажённое до пояса тело было покрыто засохшей кровью, грудь высоко вздымалась после стремительного бега, босые ступни были влажными от росы. А перед ногами у него лежала волчья туша, безжизненная, стеклянные глаза зверя смотрели сквозь них, в пустоту.

– Словно дикий викинг или древний галл после удачной охоты, – воскликнула поражённая Софи, и рука её невольно потянулась к затвору фотоаппарата, которого, увы, не было под рукой.

– Это не моя кровь, – спокойно сказал Дим, предупреждая её вопрос. – Мне захотелось поохотиться, поэтому я решил отправиться за этим чудовищем, совершавшим набеги на овечьи стада жителей деревни и одиноких, имевших несчастье заблудившихся в лесу путников.

Софи смотрела на него во все глаза.

– Ты убил его голыми руками? – прошептала она в потрясении.

– У меня было с собой оружие, – улыбнулся он. – А почему ты не спишь? На часах ещё нет и пяти, вся съёмочная группа видит сны в своих кроватях, и только ты вышла встречать меня с удачной охоты.

Он близко шагнул к ней, обнял за плечи, притянул к себе и заглянул глубоко в глаза.

– Софи, – прошептал он, – я отправился на охоту, чтобы победить в себе жажду крови, но ты снова пробуждаешь её во мне. Ты стоишь на краю пропасти и даже не подозреваешь об этом.

Она замерла, замороженная исходящим от него мощным потоком силы, сладким тягучим ароматом крови убитого зверя, глубоко вдыхала запахи и была готова подчиниться его желаниям. Она не ощущала себя больше личностью, человеком, она была таким же существом из плоти и крови, как лежащая перед ними на земле туша, а он был её господином, её повелителем...

Дим прочел все это в её взгляде и невольно отшатнулся, сам ошеломленный силой своего желания.

– Только не сейчас, Софи, – прошептал он, а потом подхватил её, почти бесчувственную, на руки, и отнёс в кровать, чтобы она смогла досмотреть свои сны.

Сам он вернулся к волчьей туше, освежевал её, шкуру растянул сушиться вместе с огромной головой, а мясо отнёс на кухню.

– Мне стоит держать себя в руках, – говорил он сам себе, – общение со смертными делает меня слабым, заставляет меня подчиняться инстинктам, забыть о голосе разума, но я должен противостоять своим желаниям.

Волчья голова, подвешенная на палке рядом со шкурой, остекленевшими глазами смотрела в сторону разрушенной церкви, в них отражался блеск красных огней, а широко распахнутая в предсмертном броске пасть обнажала ряды длинных клыков.

– Я больше не могу прятаться от зверя, – вздохнул Макс спустя ещё неделю после вынужденного поста. – Если я теперь обречён на его преследование в вечности, то пусть лучше я сражусь с ним в открытом противостоянии, чем буду вот так дрожать и бояться каждой тени. Его яростный оскал постоянно перед моими глазами, в моей голове, это сводит меня с ума, и должно быть этому какое-то объяснение, какое-то разрешение этой муки.

– Нам нужно выждать, – отвечал Эдвард, теперь неотлучно находившийся рядом с ним. – Скоро Дим вернётся в Лондон, и тогда мы решим, что нам делать дальше. Я слишком мало имел дела со зверем, чтобы что-то предпринимать. Я знаю только, что, если он придёт, я буду рядом с тобой и буду сражаться со зверем не на жизнь, а на смерть.

– А как же мой концерт в Брайтоне? Он должен состояться через две недели, и мне надо дать им решающий ответ. Ведь билеты уже почти распроданы, а я не хочу его отменять.

– Ты готов рискнуть? – с сомнением спросил его наставник. – Если ты выйдешь на сцену, обратишь свои песни к миру, зверь может прийти к тебе. И тогда опасности подвергнутся все твои поклонники, вся публика...

– Если вы все, мои друзья, будете рядом, я готов рискнуть, – кивнул Макс. – Ведь, если ему нужен только я, людей он не тронет.

– Похоже, пришла пора снова собраться нам всем вместе, – задумчиво проговорил Эдвард. – Себастьян не приедет, он замкнулся в своём одиночестве после того страшного костра и не выезжает из Парижа, избегает встреч с нами. А вот Анна с Александром... думаю, пора прервать их одиночество, они должны были прийти в себя и окрепнуть после прошедших событий. О, та страшная ночь в Помпеях, когда сам Дим вышел из мрака небытия в мир живых, ты изменила наши жизни навсегда! С тех пор, как мы сразились с самым страшным врагом, прошёл всего лишь год, и снова нам грозят испытания, вечность не щадит наши хрупкие души.

– Я хочу снова увидеть Анну, – отвечал Макс, улыбнувшись с надеждой во взгляде, – и я надеюсь, что это не зверь и не новые страшные события сведут нас вместе. Мы просто должны иногда встречаться, заблудшие души вечности, ведь вместе мы обретаем силу, идти с уверенностью дальше по нашему призрачному пути небытия.

– Если мы будем вместе, зверь не сможет одержать над нами верх, – обнял его Эдвард и прижал к своей сильной груди. – Ничего не бойся, малыш, ведь мы все будем рядом с тобой и защитим тебя.

Эдвард нежно гладил его волосы и хмурился.

– Я чувствую, грядут страшные, неизбежные перемены, – бормотал он мрачно. – Сможем ли мы выстоять? Время покажет. Грядет время зверя, и нам не спрятаться от того, что неизбежно придёт вместе с ним.

Сэм потрясённо замерла, невольно сойдя с тротуара прямо на проезжую часть. Водители возмущённо сигналили, объезжая её, а она всё смотрела и смотрела, не веря своим глазам. Там, на небольшой афише, был он, её Макс, с гитарой, и непослушные буквы складывались в слова, называя его имя, говоря о том, что меньше через неделю, в маленьком городе на побережье состоится его концерт.

– Макс, – прошептала она. – Это и вправду ты? Или кто-то очень на тебя похожий? Почему же я раньше ничего не знала? Неужели ты так хорошо скрывался всё это время от мира, что никто не узнал, никто не догадался? Если это на самом деле ты, если это не сон, я должна поехать в Брайтон и увидеть тебя.

Она сразу купила билет на концерт и тем же вечером уехала на берег залива. Её герой с афиши всё время стоял перед её глазами, его худое мужественное лицо с чётко очерченными скулами, тёмные, разметавшиеся по плечам волосы, густые брови, дерзкий и немного отчаянный взгляд. Сэм целыми днями бродила в одиночестве по набережной, время от времени подбирая плоские камни и бросая их в воду, сама же в нетерпении вела обратный отсчёт дням до концерта, одновременно с надеждой и недоверием каждый раз проходя мимо концертного зала с расклеенными афишами. Она прочла всё, что смогла найти в сети, про его новую группу, что они собрались чуть меньше года назад, играли в небольших клубах, послушала их первый альбом – да, это был точно её Макс, его хриплый голос, его поэтика, его пронзительная гитара, его тяжёлая и гармоничная в своей мрачности музыка. И тогда она закрывала глаза и представляла себе их встречу – вот она стоит в первом ряду, а он внимательно смотрит на неё, и нотка узнавания теплится в его глазах, вот он подходит к ней после концерта и уводит за собой... Сэм глубоко вздохнула в ожидании, возвращалась домой, ужинала в одиночестве, глубоко зарывалась в тепло подушки и крепко засыпала.

Анна неподвижно стояла в пространстве археологического музея Неаполя и изучала свидетельства прошлого, фрески, мозаики и предметы быта, всё то ничтожно малое, что осталось от навеки сгинувшей во тьму древней цивилизации. Она рассматривала каждую деталь, до мелочей, пытаясь постичь глубину вещей, а сквозь них увидеть прошлое, оживающее в этих чудом сохранившихся свидетельствах чужого бытия.

– Вы жили, страдали, любили, – напряжённо размышляла она, – а время не оставило от вас ничего. Так человеческая жизнь проходит в мечтах и надеждах, суете и рутине повседневности, а потом вечность уносит её с собой, не оставляя ни следа. Случайные имена творцов, поэтов, ремесленников, немногочисленные свидетельства жизни той эпохи – вот и всё, что осталось от уничтоженного тьмой города. Тьма приходит и поглощает всё, не оставляя нам ничего от прошлого, так есть ли смысл любить и творить, если всё исчезнет? И если я сама исчезну во мраке времени, имеет ли значение то, что я сейчас дышу, думаю, люблю и страдаю? Так ли вечна наша жизнь или она тоже исчезнет во мраке времени? Как страшно осознавать пропасть небытия, лежащую между прошлым и будущим, эта пропасть забирает себе всё без остатка, и все мы постоянно смотрим вниз, страшась упасть и неизбежно попадая в её плен... Как страшно и как соблазнительно мечтать, что кто-нибудь из нас сможет уцелеть в круговороте времени, жить вечно или умереть, оставив после себя вечную память. А что останется после меня?

Анна мучилась вопросами, на которые не было ответа, и даже Александр не мог успокоить её.

– Разве не прекрасно будущее тем, что оно неизвестно нам? – отвечал он ей вопросом на вопрос. – И тем, что там, впереди, нас ждёт непознанное, неведомое, что наш путь полон открытий и лишён страха смерти?

– Но все они сгорели, – отвечала ему Анна, – а другие, подобные нам, сгинули в костре небытия.

– Но мы пока живы, – возражал Александр, – и пока мы испытываем чувства, пока нами движет инстинкт и воля к жизни, мы не должны думать о небытии.

Он обнимал её и прижимал к себе, стараясь успокоить. – Не для того я однажды вырвал тебя из кровавых лап смерти, – шептал он ей на ухо, – чтобы отдать во власть боли и отчаяния. Не думай о страшных непознаваемых тайнах бытия, живи этим мгновением, уверенно смотри в будущее и помни, что я никогда не отдам тебя во власть безвременья.

Они улетели на рассвете в Лондон, не зная, когда вернутся и вернутся ли снова в это место на земле. Александр не говорил этого вслух, но и им постепенно завладевали мрачные думы, предчувствие чего-то неизбежного, что скоро должно было произойти, и предотвратить это он был не в силах.

– Будь, что будет, – мрачно думал он, смотря в окно самолета, улетающего вместе с ними на север. – Главное, чтобы мы оставались вместе в этом круговороте событий. – Он крепко сжал руку Анны, сидевшей рядом с ним, и не отпустил до самого окончания полета.

Начались съёмки, и в течение следующих трех дней Дим не разрешал себе приближаться к Софи, избегал разговоров и даже случайных взглядов, чтобы не позволить силе желания снова пробудиться в нём. Они вставали рано утром, с восходом солнца, снимали до обеда, потом возвращались в дом и отдыхали до заката. Тогда они снова выходили с оборудованием в поле, чтобы сделать серию снимков в прозрачном закатном свете. Грозы больше не было, и финальная сессия всё откладывалась на потом.

– Как бы нам не пришлось здесь задержаться в ожидании стихии, – смеялась Софи в разговоре с менеджером, искоса поглядывая на Дима, но его взгляд рассеянно блуждал, избегая останавливаться на ней. Теперь она могла вести с ним диалог только сквозь объектив своей

камеры, и тогда он смотрел на неё, безучастно, внимательно, страстно, как того требовал образ, потом отворачивался, а в перерывах уходил в сторону. Казалось, что он равнодушен ко всему происходящему и ждёт, чтобы тягостные для него съёмки поскорее закончились, но на самом деле в его груди бушевала буря. С тех пор как он убил зверя, жажда крови в нём только усилилась, и в конце концов он вышел на охоту за человеком.

– Я обещал Анне больше не убивать, – бормотал он вполголоса, бродя после захода солнца по деревне, – но уж несколько глотков крови я могу взять у этих фермеров. – И он заходил в дом, очаровывал мужей, ласкал жён, брал у них немного крови и шёл дальше, невидимый, безмолвный призрак, не оставляющий следов. Он молча страдал, наблюдая картины тихой семейной жизни, и неведомое прежде ему смятение поднималось из глубин его души. Он так давно был погружён в небытие, что забыл про человеческие страсти, страдания и радости, и вот теперь эти невинные люди, безмятежно возделывающие землю, напоминали ему о его собственной, так давно, безвозвратно ушедшей во тьму веков смертной жизни.

– Вы сами не понимаете своего счастья, – думал он, глядя на этих людей. – Вас не одолевают ни голод, ни смертельные болезни, вы живёте в праздности и сытости, ваш труд не пригибает вас к земле, у вас есть всё, что нужно для счастья. Ваших близких не заберет Чёрная смерть или очередная война, так почему же вы продолжаете страдать? Есть ли среди вас хотя бы один по-настоящему счастливый человек? И ты, Софи! Ты счастлива в своих творениях, своей самодостаточности, ты не обременена материнством или другими повседневными заботами, ты порхаешь беззаботно, принимаешь любовь и почитание как данность, и при этом ты продолжаешь быть несчастной. Что за капризное создание человек, что ему всё мало! Впрочем, – усмехался он, – я и сам такой же. Почему я всё брежу о несбыточном, жду чего-то в будущем, не находя, не чувствуя счастья в настоящем? Ведь мне повезло больше, чем этим несчастным смертным, окружающим меня, я почти непобедим, и всё равно я страдаю, вызывая из памяти прошлого картины давно ушедших времён. Что же я сам за несносное создание, которое никак не может найти счастья под этим вечным небом, не может наконец отвернуться от прошлого и уверенно посмотреть в будущее?

Он насыщался кровью и раздумьями, возвращался в гостиницу и неслышно входил в комнату к спящей Софи. Там он тихо смотрел, как она спит, улыбается или хмурится во сне, её длинные волосы разметались по подушке, веки подрагивают, губы слегка шевелятся, беззвучно произнося слова во сне. Иногда она просыпалась, бессознательно ощущая чьё-то чужое присутствие, и тогда он отступал в тень кровати, она же смотрела вокруг невидящим взглядом и снова проваливалась в сон. Кошмары больше не приходили к ней, она смотрела во тьме в пустоту и иногда видела там зверя, неспешно бредущего в одиночестве по ночной пустыне. Иногда он останавливался, поворачивался и молча смотрел на неё. – Кто ты, зверь? – спрашивала Софи во сне, но вопрос её оставался без ответа. Иногда она видела во сне Дима, и тот тоже уходил от неё вдаль в пустыню, оставляя её в одиночестве. В такие минуты она хмурилась во сне и просыпалась. Наутро она не помнила своих снов.

А днем Софи недоумевала, почему же Дим избегает общения с ней. Снова и снова прокручивая в голове события той ночи в монастыре, она пыталась вспомнить, не обидела ли она его, не задела ли его чувства ненароком. И эта волчья голова... Дим запретил убирать её до их отъезда, и теперь она торчала на палке на заднем дворе гостиницы. Софи видела её из окна и каждый раз вздрагивала от ужаса и странного чувства покорности, подчинения, овладевшего ей в ту минуту, когда она увидела Дима, вернувшегося с удачной охоты.

– Мы словно первобытные люди, – улыбалась она, – ушли в своём развитии бесконечно далеко вперёд, и до сих пор жаждем отдаться мужчине, вернувшемуся с удачной охоты на мамонта.

Под конец она решила и подошла к Диму, так, что он не мог избежать разговора с ней.

– Я хочу снять ту сцену, – решительно сказала она, – тебя, возвращающегося с охоты и несущего на плечах эту безжизненную тушу. Охотник и его добыча, первобытное желание и утолённая жажда убийства – как это было бы прекрасно!

– Первобытные кровожадные страсти, – улыбнулся Дим, впервые за эти дни посмотрев ей прямо в глаза, – и ты наверняка хочешь, чтобы я был в одном белье?

– Без белья, словно первобытный дикарь, и весь в крови, – улыбнулась она, – всё должно быть по-настоящему.

– И это должно быть в грозу?

Софи представила себе, как наяву, обнажённого мужчину, бегущего с окровавленной тушей зверя, лежащей на его плечах, под мощными струями дождя, которые омывают его сильное тело и смывают с него запёкшуюся звериную кровь. Она даже зажмурилась, настолько правдоподобным было это видение.

– Софи, – требовательно позвал её Дим, заставляя открыть глаза, – гроза далеко, и здесь больше нет волков, чтобы их убивать. Возможно, когда-нибудь я убью зверя, но тогда ты должна быть рядом, чтобы запечатлеть это мгновение для вечности.

— Ты будешь рядом, когда я убью зверя? – неожиданно для себя спросил он, и предчувствие неизбежного нахлынуло на него бурно и волной. Вместе с ним вернулись желание, и страсть, и жажда крови опять затопила всё его существо.

– Сегодня последний день съёмки, а завтра мы возвращаемся в Лондон, – неожиданно ответила Софи. – Не хочешь сходить вечером в монастырь?

Дим согласно кивнул.

– Я больше не могу сопротивляться этому, – думал он, собираясь вечером на прогулку. – Завтра утром мы расстанемся и потеряем друг друга в большом городе, а сегодня ночью я дам себе волю, позволю себе быть таким, каков я есть уже много веков, ведь я больше не могу притворяться рядом с тобой.

Сэм стояла в толпе перед сценой, а там, на сцене, был Макс, её герой. Музыканты из его группы отошли на задний план, растворились в приглушённом полусвете софитов, и только он, его мужественная фигура с гитарой в одной руке и микрофоном в другой, возвышались над ней. Он пел, и каждый звук его голоса, каждая нота, взятая им неимоверно высоко или бесконечно глубоко, отзывалась в её душе, она дышала в унисон с его мелодией и полностью отдалась во власть музыки. Та зачаровывала, притягивала, потрясала, возносила на вершины блаженства и повергала в пучины страдания, и сам он тоже мучился, страдал, мечтал, любил – это продолжалось целую вечность и всего лишь одну песню. А потом он замолчал, выпустил из рук микрофон и посмотрел ей прямо в глаза. Толпа вокруг неё расступилась, так что она осталась одна в полукруге света, а он шагнул со сцены прямо к ней в этот полукруг.

– Сэм, – хрипло прошептал он, обнимая её за плечи и заглядывая глубоко в глаза, – ты пришла...

Он всё смотрел и смотрел, а она тонула в глубине его взгляда, впитывала жар тела, исходящий от него, вдыхала запах пота и не могла пошевелиться.

– Сэм, – снова хрипло прошептал он и внезапно начал меняться. Тело его выгнулось в неестественной позе, страшный крик исторгся из его груди, руки и обнажённая грудь стали покрываться шерстью. Голова вытянулась, во рту выросли страшные клыки, он сжал её в объятиях когтистыми лапами, так, что ей стало больно и трудно дышать, и потянулся клыками к её шее, хрипло рыча.

Сэм закричала от ужаса и... проснулась. В комнате царили тишина и полумрак, бледный свет луны пробивался сквозь неплотно задёрнутые занавески, за окном мерно звучал шум прибоя. И таким спокойствием, умиротворением повеяло на неё от этой картины, что она глубоко вздохнула и пришла в себя.

– Это был всего лишь сон, – сказала она себе. – Страшный несбыточный сон, которому не стоит придавать значения. Завтра я увижу Макса, и закончится моя пора ожидания. О, надеюсь, я не зря так долго ждала тебя, – она глубоко вздохнула, отвернулась от окна и крепко заснула без сновидений. Зверь больше не приходил этой ночью в её сны.

Анна с Александром вошли в лондонский дом Эдварда.

– Вы как раз вовремя! – радостно приветствовал их вампир. – Макс уже уехал в Брайтон, готовится к концерту, и теперь мы все вместе отправимся вслед за ним. Дим присоединится к нам позже, пока же он участвует в каких-то забавных человеческих играх, здесь неподалёку от Лондона.

Анна глубоко вздохнула и обняла Эдварда. – Здравствуй, малыш, – прошептал он и погладил её по волосам. – Не надо больше мучиться.

Девушка подняла на него глаза.

– Да, я всё знаю, – утвердительно кивнул он. – И не нахожу это странным. Меня самого также одолевали страдания, тоска по преходящим человеческим страстям. Но всё это проходит, как проходит сама вечность, периоды счастья и страдания сменяют друг друга, словно песок, перетекающий сквозь пальцы, время закручивается по спирали и неизбежно поворачивается к нам лицом будущего, обнажая нашу сущность для вечности. Нам же в минуты смятения, подобные тем, которые сейчас переживаешь ты, остается только смириться и остановиться, наблюдать как время, словно песок, утекает сквозь наши пальцы, ожидать, принимая всё то, что оно нам готовит.

– Зверь приходил к нам в Помпеях. – сказал Александр, отвернувшись к окну.

Эдвард нахмурился. – Покажи мне его, – попросил он. Анна кивнула, вампир взял её руку, поднёс к своему рту и бережно прокусил запястье.

– Теперь твоя очередь, – вздохнул он, сделав несколько глотков. – Не будем нарушать традицию, к тому же тебе сейчас очень нужны моя кровь и моя сила.

– А ты? – обратился он к Александру, по-прежнему безучастно смотревшему в окно, в то время как в душе его бушевала буря. Каждый раз при встрече Анны с другими вампирами он ревновал, понимая, что страдания прошлого вряд ли вернуться, и все равно не мог подавить свою ревность.

– Мне пока не нужно, – отрицательно покачал головой Алекс. – Лучше расскажи нам о звере.

– Всё это очень странно, – задумчиво покачал головой Эдвард. – Эта же тварь изводит и Макса в последнее время. Я думаю, он сейчас здесь, в Лондоне и ждёт удобного случая, чтобы напасть. Нам нужен Дим, и как можно скорее, чтобы разгадать эту загадку и вступить в битву со зверем.

События набирали силу, чтобы закрутиться в судьбоносную спираль и совсем скоро начать раскручиваться в вечности. Вампиры отправились в Брайтон, чтобы всем вместе встретиться на концерте.

– Зачем зверь приходит к Максусу? – спросила Анна у Эдварда по дороге на побережье.

– Он не раскрывает свои тайн. Но он не даёт ему пить кровь, угрожая безумием и смертью.

– Как страшно, – вздрогнула девушка. – Так Макс совсем не пьёт кровь?

– Он не может. Каждый раз, при одной только мысли утолить жажду, зверь приходит к нему и сводит с ума. Я наблюдал эти видения, когда пил его кровь, это страшно, и это нельзя долго выдержать. Поэтому Макс и решил дать этот концерт, чтобы попробовать выманить зверя из его логова.

– Но там же будут люди...

– Именно поэтому мы все едем туда, – кивнул Эдвард, – чтобы защитить их в случае опасности и не дать зверю устроить бойню.

– Ты думаешь, он придёт?

– Что-то страшное грядёт, – задумался вампир. – Я чувствую это, пространство затопило напряжение, время словно застыло в ожидании неизбежного. Мы все это ощущаем, вас захватили отчаяние и тоска, и даже я, несмотря на свою мудрость и свою силу, невольно поддаюсь этому. Мы долго томились в бездействии, а на смену затянувшемуся спокойствию всегда приходит эпоха перемен. Боюсь, что возвращение зверя не сулит нам ничего хорошего, поэтому мы сейчас должны быть вместе и объединить наши силы для встречи с грядущим.

Наступил день концерта. Сэм пришла к клубу ранним утром и приготовилась ждать там до вечера. Все её существо напряглось и сосредоточилось в ожидании долгожданной встречи, она до сих пор не могла поверить тому, что всё это происходит на самом деле, и ей больше ничего не хотелось, кроме того, что должно было скоро свершиться.

– Макс, – одними губами шептала она и в терпеливом ожидании следила, как солнце движется по небу, выходит в зенит и начинает клониться к закату. Она улыбалась другим, постепенно собиравшимся возле клуба, и по-прежнему никуда не уходила, боясь пропустить тот драгоценный миг, когда она сможет наконец войти внутрь и занять своё место возле сцены, прямо напротив её кумира.

– О, Макс, – вздыхала она и уходила в ожидании вечера в свои мысли, иногда не в силах сдержать накатывавшее волнение и слезы радости.

Так прошло восемь часов, с открытием дверей она прошла внутрь и заняла своё место. Постепенно собирались и другие, и в паре, стоявшей неподалёку от неё, она с удивлением узнала старых знакомых. Анна кивнула ей и приветливо улыбнулась.

– Эдвард, – отправила она мысленный сигнал вампиру, – присматривай за этой девушкой.

И тут же высокий мужчина, словно сошедший со страниц книги про древних викингов, занял место рядом с Сэм и отгородил её своим телом от волнуемой толпы. Она же почти не обращала внимания на происходящее, так велика была сила её сосредоточения в ожидании.

– Только не просыпаться, – шептала она, и Эдвард незаметно смотрел на неё сверху вниз с сочувствием, читая в её мыслях все пережитые ею события прошлого.

Погасли огни, музыканты вышли на сцену. Дим, сразу со съёмов отправившийся в Брайтон, занял место у выхода, поджидая зверя, если тот вдруг решит объявиться. Макс коротко приветствовал публику и открыл концерт. Сначала он вел себя отстранённо, прикрыв глаза и словно наблюдая что-то внутри себя. Одна песня сменяла другую, быстрый ритм приходил на смену мелодичному, страсть и диссонанс сменяли гармонию, а голос его то поднимался на невообразимую высоту, то снижался до хриплого рёва. Сэм смотрела на него, не отводя взгляда, подпевая всем его новым песням, которые она заучила наизусть за время ожидания на побережье, и всё боялась проснуться.

Закончилась очередная песня, музыка стихла, Макс замолчал, открыл глаза и медленно обвёл взглядом публику. Вот его взгляд остановился на Анне, он улыбнулся ей, а сердце Сэм ревниво сжалось, вот он посмотрел на неё, его глаза медленно расширились и замерли на ней. Макс вопросительно склонил голову и рассматривал её, а сердце Сэм учащённо билось и готово было выпрыгнуть из груди. Что означает этот остановившийся на ней, внимательный взгляд? Неужели он узнал её? Потом Макс перевёл свой взгляд на Эдварда, по-прежнему стоявшего позади неё, серьёзно кивнул ему и продолжил концерт. Он по-прежнему смотрел вдаль, в пустоту, но теперь взгляд его снова и снова возвращался к Сэм, замирал на ней и был так же серьёзен. Он приветствовал публику, общался с ней, шутил, но глаза его не улыбались.

– Он страдает, – тихо сказала Анна Александру в перерыве между песнями, – он прочёл боль этой девушки в её сердце. Мы так эгоистичны в своём стремлении уйти в вечность, что

не задумываемся о боли и разрушении, которые мы оставляем после себя в сердцах смертных. Мы смело распахиваем объятия навстречу небытию и заставляем других страдать, обрекая их на горе и одиночество.

– Она сама сделала свой выбор, – задумчиво отвечал ей вампир. – Она могла не ждать его, забыть и жить своей обычной жизнью. Но она прошла такой долгий путь, чтобы в конце концов приехать сюда и снова обрести его, что сила её любви, её воли потрясает до глубины души.

– Я чувствую свою вину, – склонила голову Анна. – Я ведь знаю её, эта та самая девушка из кафе, которая поддерживала меня в разлуке с тобой, а я, сама не зная того, обрекла её на страдания, когда увела Макса за собой.

– Мы не можем знать всего.

– Это правда, – вздохнула Анна и замолчала.

– Оценит ли Макс силу этой любви? – думал Эдвард, стоя позади Сэм. – Всё это время она ждала его, страдала, искала, не забывая ни на секунду. Я и не думал, что смертные способны на такое сильное чувство, эта сила, эта преданность, несокрушимая, несмотря ни на что. Значишь ли ты сейчас что-то для него, юная Сэм? Помнит ли он тебя, пришедшую сюда из его прошлой жизни? Кто ты для него, призрак прошлого, который может принести только страдания, или надежда на обретение счастья в будущем?

Полтора часа концерта подошли к концу, музыканты попрощались и ушли со сцены. Публика начала расходиться, ещё находясь под впечатлением от услышанного и увиденного, Макс потряс всех своей игрой, влюбил в себя многих и ещё многие готовы были влюбиться в силу его страсти, его музыки. Сэм закрыла глаза и тихонько стояла возле сцены, не шевелясь и почти не дыша. Она так долго ждала этого часа, что не могла поверить, что концерт закончен, сцена пуста, Макс ушёл, а главное, что он снова вернулся в её жизнь.

Она осталась в клубе одна, замершая в полукруге света.

– Здравствуй, Сэм, – тихий голос прозвучал, казалось, в её голове. Она открыла глаза и повернулась – рядом с ней стоял Макс, возвышаясь почти на целую голову, его глаза по-прежнему серьёзно изучали её. Сэм глубоко вздохнула и почувствовала, как все силы оставили её после этого долгого, заполненного ожиданием и переживаниями дня, её ноги подкосились, она пошатнулась, едва не упав. Макс бережно подхватил её на руки.

– Пойдём, – прошептал он ей, – тебе нужно выйти на свежий воздух.

Она послушно кивнула, прильнув к его груди и обхватив его шею руками, и обессиленно закрыла глаза. А он вынес её на руках из клуба, перешёл через дорогу к набережной и там опустился на прибрежную гальку, в стороне от толпы, рядом с прибором. Уже стемнело, воздух был тёплый и влажный, еле слышный ветер слегка колыхал волны залива, прибор убаюкивающе шуршал рядом с их ногами, полная луна ярко светила с безоблачного неба, чётко очерчивая контуры и тени. Они сидели на морском берегу, голова Сэм лежала на коленях Макса, она смотрела на него и молчала. Он молчал в ответ и перебирал пальцами её волосы, изучал её мысли, переживая вместе с ней все случившееся.

Она подняла руку и погладила его по щеке тонкими пальцами.

– Макс, – вздохнула она, – как настоящий. Я наконец проснулась и оказалась рядом с тобой. Но расскажи мне, что с тобой случилось? Почему ты тогда исчез и как оказался здесь?

– Потом, Сэм, – отвечал он, – сейчас ещё не время. Главное, что ты ждала меня, искала, а я наконец обрёл тебя.

Он проводил пальцами по её щекам, губам, волосам, впитывая тепло её кожи и мягкость волос. Он читал её целиком, как раскрытую книгу, и то, что он видел там, изумляло его, сила её любви, её ожидания, её одиночество и бегство от мира, её вера в то, что он ещё жив и ей нужно только получше поискать его, чтобы найти.

– Я и не знал, что ты по-прежнему ждёшь и ищешь меня, – покачал он головой. – Я ведь хорошо помню тебя, Сэм. Ты так нравилась мне когда-то, когда я был обычным смертным и

играл концерты, чтобы хоть на шаг приблизиться к вечности, чтобы не сгинуть в забвении времени. А ты, ты была на каждом моём выступлении, одинокая красивая хрупкая девушка. Ты подходила так близко ко мне, и столько любви читалось в твоём взгляде, что я сам не осмеливался подойти, чтобы не разрушить миг очарования, это совершенное мгновение, которое было со мной всегда, на сцене и в моих мыслях.

– А потом ты ушёл... – прошептала она.

– Да, – кивнул он, с отчаянием посмотрел в сторону и больше не говорил ни слова.

Они долго сидели на морском берегу. Глаза Сэм постепенно закрылись от навалившейся усталости, она уснула на коленях у Макса, а он сидел тихо, не шевелясь, погрузившись в свои мысли и охраняя её сон.

А потом пришёл зверь. Была уже глубокая ночь, все давно ушли с набережной, тишина и пустота воцарились в мире. Зверь подкрался тихо, неслышно ступая своими тяжёлыми лапами, присел и замер напротив них в изучающей позе.

– Вот ты и пришёл, – усмехнулся Макс. – Что же тебе нужно от меня?

Зверь не отвечал. Он протяжно зевнул, оскалив ряды острых клыков, и сомкнул челюсти.

– Дождался того момента, когда мне есть что потерять? – вздохнул Макс. – Раньше я был один, а теперь появилась она, и я должен быть рядом с ней, должен защищать её. Я возьму её с собой в вечность.

Зверь угрожающе зарычал, не двигаясь с места.

– Ты против этого, зверь? Раньше ты запрещал мне пить кровь, а теперь не хочешь, чтобы я сделал эту девушку бессмертной? Давай же, попробуй помешать мне!

Макс тихонько потряс Сэм. – Просыпайся, малыш, – прошептал он, – и ничего не бойся, я с тобой.

Сэм медленно открыла глаза, улыбнулась, увидев своего героя, а потом почувствовала зверя и повернулась, внимательно рассматривая его.

– Я видела зверя и раньше, Макс, – прошептала она. – Он пришёл ко мне в пустыню и согрел своим теплом, уберегая от ночного холода и мрака. – Она коротко рассказала ему о событиях той ночи, умолчав пока о встрече с Изабель.

– Зверь помог тебе? – недоверчиво покачал он головой. – Так что же тебе нужно на самом деле, зверь? Почему ты преследуешь нас?

Они поднялись и встали рядом, держась за руки. Зверь внезапно повернулся в сторону города – оттуда к ним приближался Дим стремительными широкими шагами.

– Не смей трогать их, тварь, – гневно зарычал он, подойдя совсем близко. – Уходи отсюда, твоё время ушло. Убирайся обратно в свою пустыню, прямиком в хаос, исторгнувший тебя из своего чрева!

Он кричал, надвигаясь на зверя, и лицо его было страшно. Клыки обнажились, мускулы напряглись, кулаки сжались для удара. Зверь пятился, прижав уши к голове и спрятав клыки, а потом, не выдержав напора гнева и ярости вампира, бросился прочь.

Дим повернулся к Макс, тяжело дыша. – Вам нельзя сейчас находиться одним, – отрывисто проговорил он, – зверь начал охоту, поэтому нам надо быть всем вместе. Идёмте, я расскажу вам все, что знаю про эту тварь.

Они ушли в ночную тьму, и Сэм шла рядом с ними. Она наконец нашла того, кого так долго искала, и тихо и радостно было в её душе, несмотря на все переживания этой ночи.

– Я уложил её спать, – сказал Макс, входя в комнату. Все остальные давно собрались и ждали только его.

– Надеюсь, это всё не окажется всего лишь сном после моего пробуждения, – проговорила Сэм, закрывая глаза и проваливаясь в глубокое забытие.

Макс нежно поцеловал её в лоб и тихо закрыл за собой дверь.

– Ты рассказал ей про нас? – спросила Анна.

– Сейчас ещё не время, – покачал он головой, – она слишком многое пережила за этот день, так пусть пока отдохнёт. К тому же я не знаю, с чего начать, как подступиться к этому разговору...

– О, она поймёт, – подошёл Эдвард и положил руку ему на плечо, – сейчас она слишком устала, чтобы увидеть, но поверь мне, если приглядеться, ты уже не очень похож на человека. – Вампир рассмеялся.

Макс и правда был совсем не похож на обычного смертного – глаза горели ярким мрачным огнем, исхудавшее лицо с выдающимися скулами излучало напряжение и страсть, твёрдое и сильное тело требовало иной, отличной от человеческой, пищи, и вся сила его существования теперь излучала бессмертный свет вечности, притягивающий, манящий, завораживающий своей мощью.

– Что ж, – начал свой рассказ Дим, – я очень рад, что мы снова собрались все вместе, не хватает только некоторых упрямых отшельников. – Он усмехнулся и обвёл глазами комнату. Анна и Александр, Эдвард и Макс, все, кого судьба свела совсем недавно, и все те, кто знал друг друга уже очень давно. – Мне жаль, что фатальная судьба свела нас на пути перемен, но те, кто живёт в вечности, всегда должны быть готовы к переменам, ведь тишина и покой означают забвение в небытии. – Он глубоко вздохнул. – Я сам благодаря вам недавно восстал из небытия, и, видимо, не случайно. Когда-то очень давно я искал избавления от потрясений, которые непосильным бременем легли на мои плечи, я бежал от надвигающегося хаоса, я ушёл глубоко под землю, чтобы спрятаться от неотвратимых перемен, но даже там рукой своих кровожадных слуг я невольно продолжал писать историю своего племени. Анна пробудила меня для новой жизни, но прошлое всё ещё поджидает нас в лице зверя, стремясь поработить нас и снова свергнуть в пучину хаоса.

– Расскажи нам о своей встрече со зверем, – попросила Анна.

– Что ж, – вздохнул Дим. – Иногда мы изо всех сил стремимся забыть прошлое, чтобы оно больше не смело ранить нас своими воспоминаниями. И тем больше нам вспоминать однажды утраченное, снова вести счёт сомнениям и тревогам. Я был сильным вампиром и до своей первой встречи со зверем прожил на земле больше шести веков, я наблюдал расцвет своей империи, смену правителей, целых династий, со смутным предчувствием беды наблюдал, как человеческие распри и жажда власти постепенно повергают мой мир в пучину безумия и вражды. Я шёл через века, и мир постоянно менялся, варвары, которые когда-то угрожали моему городу, ушли далеко на запад, новые народы населяли земли вокруг, люди рождались и умирали, успев за свой короткий век натворить так много или же бесследно раствориться во времени, не оставив после себя ничего. Новая религия повелевала умами людей, и моя империя ей покровительствовала, воспитывая монахов, которые несли знание во все уголки известных нам земель, возвращая науку, искусство, ремесла. Всё шло так хорошо, что даже смена тысячелетий, сводя с ума слабых, обрекая на отчаянную гибель тех, кто не верил в вечность мира, не смогла разрушить мою империю. Разрушение началось изнутри, и те, кто правил нами, кто был назначен вершить справедливость и держать в руках власть, начали воевать, сила их ослабевала, и недруги, завистники стали задумываться о том, что богатство чужой земли может принадлежать им, что стоит только прийти и взять его, и никто не посмеет встать у них на пути, ведь нет больше великой сильной империи, а то, что осталось от неё – жалкий раздробленный смутами народ, который не сможет объединиться в борьбе против врага.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.